

Илья Ломакин

Shelly Volsche. Voluntarily Childfree: Identity and Kinship in the United States. Lanham, MD: Lexington Books, 2019. 139 pp. ISBN 9781793602473.

Илья Ломакин, Лаборатория сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Всероссийский центр изучения общественного мнения; Смоленский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. elijah.lomakin@gmail.com.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ».

Книга американского антрополога Шелли Волш «Добровольно свободные от детей: Идентичность и родство в США», как и многие дебютные монографии, родилась из докторской диссертации, которую автор защитила в Университете Невады в Лас-Вегасе (Volsche 2017). Бакалавр психологии, магистерскую и докторскую программы Волш осваивала уже на базе департамента антропологии своей альма-матер. Сегодня она работает в Университете штата Айдахо в Бойсе, где занимает должность преподавателя департамента антропологии, а также руководит лабораторной группой эволюционных связей человека и других биологических видов. Несмотря на то, что первая монография Волш посвящена добровольной бездетности¹, магистральными для ее научной работы являются вопросы взаимодействия между человеком и животным (антрозоология), сравнительного и эволюционного познания, а также концепция «Единое здоровье» (One Health). Тем не менее вопросы репродуктивного выбора, конечно, входят в круг ее академических интересов.

Фокусируясь на США, Волш определяет цель своего исследования следующим образом: «Зафиксировать, как свободные от детей договариваются об условиях (negotiate) их жизни в культуре с преобладающим убеждением, что все семьи включают в себя детей, а все люди хотят быть родителями» (с. 4). В контексте деколонизационного тренда², актуального для обсуждаемого поля исследований

¹ Волш по большей части использует в книге термин *childfree* (англ. «свободный от детей»). Здесь важно понимать, что в русскоязычном дискурсе транслитерация «чайлдфри» обрела массу дополнительных смыслов, порой сильно отдаленных от семантики англоязычного оригинала и далеко не всегда нейтральных (подробнее об этом см. Ломакин 2019). По этой причине в данной рецензии я не транслитерирую англоязычное *childfree*, а перевожу его как «свободный от детей». Кроме того, этот перевод я вслед за автором использую в синонимичной связке с нейтральным понятием «добровольно бездетный» (*voluntarily childless*), которое представляется Волш историческим предшественником термина *childfree* (с. 14). Она даже смешивает их и выносит в заглавие книги словосочетание *voluntarily childfree* (англ. «добровольно свободные от детей»), еще более откровенно указывающее на свободу выбора остаться бездетным.

² Сегодня исследователи добровольной бездетности предпринимают все больше усилий для введения в фокус внимания «незападных» контекстов, малопредставленных информантов и т. п. (см. например: Uzun 2018; Pralat 2021; Garncarek 2022; Khajehaminiian et al. 2023).

в последнее десятилетие, фокус исследовательницы на «переизученных» американских добровольно бездетных³, еще и преимущественно женщинах⁴ (из 30 информантов исследования 22 – женщины), на первый взгляд, не вызывает особого интереса. Между тем нельзя не заметить, что Волш критически воспринимала перспективу сделать очередное исследование, подтверждающее, что свободные от детей – это белые гетеросексуальные женщины из среднего класса. Пытаясь этого избежать, она проделала немалую работу над выборкой, в которую вошли представители разных национальностей, социальных слоев и сексуальных ориентаций. Кроме того, исследовательница предлагает не наиболее распространенный в этом поле исследований феминистский взгляд, а антропологический (с. 29), сфокусированный на вопросах родства и, особенно, идентичности.

Эмическая ориентация на изучение практики «свободной от детей» идентичности и ее глубокое понимание обусловили выбор качественных методов исследования. Своим базовым методом Волш называет цифровую этнографию (*digital ethnography*), не ссылаясь при этом на тех или иных предшественников и не обсуждая существующие традиции исследований виртуальных сообществ (см. Соколовский 2021). Тем не менее она подробно рассказывает о том, что делала: вела включенные наблюдения за группами свободных от детей в социальных сетях⁵, проводила полуструктурированные интервью с участниками этих сообществ⁶, а также перманентно анализировала публикации из масс-медиа и личных блогов.

Здесь сразу хочется сказать о потенциальных ограничениях проведенного исследования. Во-первых, рекрутинг информантов через социальные сети мог создать искажение – перекося в сторону тех, кто нуждается в единомышленниках для обсуждения разных аспектов своей добровольно бездетной идентичности, вопросов стигматизации такого выбора и пр. По поводу этого момента Волш рефлексивует и указывает на то, что часть ее информантов были рекрутированы с помощью сарафанного радио (*word of mouth*) и по тем или иным причинам не были вовлечены в онлайн-активности по обсуждаемой тематике (с. 7–8), однако это не кажется достаточным обоснованием. Во-вторых, нельзя не заметить, что требование написать автору исследования имейл с выражением желания принять участие в

³ Глобальный корпус исследований по этой теме в географическом отношении сильно смещен в сторону североамериканских государств и имеет давнюю историю. В частности, первая научная монография, посвященная вопросам добровольной бездетности (Veevers 1980), была выпущена в Канаде.

⁴ Начиная с 1970-х гг., когда явление добровольной бездетности только начали активно изучать, несколько десятилетий в центре внимания ученых, как правило, были женщины. Мужской же опыт добровольного отказа от отцовства вплоть до недавнего времени практически не исследовался (см. например: Garncarek 2022; Szalma and Takács 2022).

⁵ Исследовательница предполагала, что из-за стигматизации добровольной бездетности во многих обществах социальные сети и другие онлайн-площадки могут быть пространствами для более откровенного разговора с единомышленниками. При этом будет нелишним заметить, что Волш не дает подробной информации ни о количестве онлайн-групп, за которыми она наблюдала, ни об их тематической направленности.

⁶ Аудио- или видеозапись интервью не велась, автор лишь делала подробные заметки по ходу разговора, которые впоследствии подвергла тематическому анализу.

исследовании также могло отсеять часть потенциальных участников (с. 7). Наконец, хотя Волш признает свое сочувственное отношение к добровольно бездетным и убеждает, что стремится избежать искажений за счет внимания не только к положительным, но и к отрицательным аспектам (с. 1, 9) соответствующего образа жизни, этот момент тоже нужно держать в голове при чтении.

При анализе собранного материала автор опиралась на теорию идентичности, концентрируясь на взаимодействиях между социальной и индивидуальной идентичностями. Вслед за Томасом Эриксоном (Eriksen 2010) Волш полагает, что идентичность человека не столько формируется кем/чем-либо, сколько согласовывается с течением времени и через взаимодействие с другими. В контексте ее исследования это означает, что непрерывный диалог между родителями и свободными от детей, собственно, и «формирует смысл и социальную практику идентичности и жизненного выбора» (с. 3). Более того, для Волш идентичность интерсекциональна: «Когда мы говорим о добровольно бездетном человеке, мы также имеем в виду его гендер, возраст, этническую и религиозную принадлежности, класс» (с. 4).

Рецензируемая монография состоит из введения, семи глав, приложения с перечислением всех информантов и их демографических характеристик, а также подробного указателя. В каждой из глав Волш стремится ответить на вынесенный в заголовок вопрос, причем формулировки некоторых из этих вопросов базируются на циркулирующих в обществах пронаталистских стереотипах (например: «Свободные от детей – эгоисты?»).

В первой главе автор предлагает краткое введение в терминологию, призванное открыть перед читателем концептуальное поле исследования и дать представление о его границах. Волш убеждена, что в основе свободы от детей всегда лежит активный выбор, причем «это может быть выбор не иметь детей или выбор переосмыслить неблагоприятную ситуацию в позитивном свете» (с. 18). Стоит отметить, что Волш уходит от избитого обсуждения дихотомии *childfree/childless* и останавливается на более современных и сложных концептах. Основываясь на предыдущих типологиях добровольно бездетных, она обсуждает три типа: гедонисты (*hedonists*), активисты (*advocates*) и автономные свободные от детей (*autonomous childfree*)⁷. Понимая два первых типа как крайности, в дальнейших главах Волш сужает фокус своего внимания до наиболее массового третьего типа, представители которого наиболее конформны и «во многих отношениях придерживаются доминирующего культурного сценария» (с. 25).

Во второй главе автор сфокусирована на гендерном измерении вопроса. Сначала она уделяет внимание истории женского освобождения и его связям со свободным от детей образом жизни, вписывая все это в общую канву истории пронатализма в США. Далее, опираясь на предшествующие исследования, исторические факты, а также обращаясь к собранным интервью, Волш рассуждает о так называемом материнском инстинкте и приходит к выводу, что «за женским стремлением к материнству стоят различия в [культурном] опыте и биологических инстинктах»

⁷ Безусловно, это чистые типы, и в жизни они могут пересекаться в той или иной степени.

(с. 34). Кроме того, она фокусируется на связке женственности/мужественности с материнством/отцовством в ситуации добровольной бездетности. Как выяснилось, этот аспект несильно волновал информантов, куда более важной оказалась циркулирующая в обществе концепция о связи между «взрослостью» и «родительством». Последняя создавала им немало затруднений в повседневной жизни и естественным образом вызывала презрение. Наконец, Волш обсуждает традиционалистское толкование дихотомии «домашнее – публичное» и его восприятие сообществом свободных от детей. Как дома, так и вне его последние практикуют гибкий партнерский подход, зачастую лишенный иерархий и заранее определенного спектра обязанностей каждого.

Выстраивание идентичности не имеет смысла в отсутствие «другого», и именно этому процессу посвящена третья глава. Сначала Волш обращает внимание на диалог свободных от детей (демотический дискурс) с родителями, близкими, друзьями или незнакомцами в интернете (доминирующий дискурс), который нередко наталкивается на конфликт ценностей и/или стигму, вынуждая работать как с внешними агентами, так и с принятием себя. Так, в центре анализа оказываются «бинго» – фразы или утверждения, призванные принизить или каким-либо образом уменьшить ценность решения остаться бездетным. Автор приводит три типа таких высказываний – «ты передумаешь, когда. . .», «ты ведешь себя эгоистично», «ты просто еще не готов повзрослеть» – и подробно разбирает каждый из них. Далее Волш останавливается на вопросах управления стигмой и избегания конфликтов в пронаталистском обществе. Чаще всего тема дискриминации возникала в контексте профессиональной занятости, а специфически женской проблемой оказался вопрос доступа к добровольной стерилизации. Тем не менее информанты сходились во мнении, что дискриминация добровольной бездетности редко бывает явной. Наконец, Волш фокусируется на диалоге внутри сообщества свободных от детей. Несмотря на то, что с наступлением эпохи постмодерна⁸ маргинализированные группы общества получили больше возможностей для коммуникации с единомышленниками, интенсивное общение – в первую очередь, виртуальное – оказывается в состоянии расколоть сообщество при обсуждении тех или иных вопросов (например, в спорах об отношении к абортam) и определять границы групповой идентичности.

Распространенное убеждение о добровольно бездетных как об эгоистах рассматривается в четвертой главе. Предшествующая литература представляла их через призму отсутствия желания родительство (что подтверждается и настоящим исследованием). Волш, помимо этого, отмечает, что эта установка не мешает ее информантам проявлять заботу и поддержку. Признавая, что решение не иметь детей оставляет больше энергии, эти люди финансово и физически помогают нуждающимся родственникам и друзьям, ухаживают за престарелыми членами семьи, участвуют в общественно полезной деятельности и т. д. Все это едва ли говорит о них как об эгоистичных гедонистах.

⁸ Под «постмодерном» Волш понимает период после Второй мировой войны и особенно после движения за гражданские права чернокожих в США. Кроме того, она тесно связывает постмодерн со Вторым демографическим переходом (с. 5–6).

Далее, в пятой главе, делая краткий обзор определений семьи (казалось бы, вечной для антропологов темы), Волш подмечает почти повсеместное упоминание детей и задается вопросом: может ли семья существовать без детей или намерения их иметь? Для начала она фокусируется на партнерах и приходит к выводу, что «супружеская близость и диадическая связь часто определяют суть того, что для свободных от детей значит создать семью» (с. 74). Сравнивая пары добровольно бездетных с союзами родителей, автор отмечает более высокое качество общения и более глубокую дружбу в первых союзах, что нередко обеспечивается временем и энергией, свободными в отсутствие необходимости воспитывать детей. Затем она обращает пристальное внимание на роль домашних животных в жизни свободных от детей⁹: почти все тридцать участников ее исследования имеют питомцев и нередко говорят о них как о людях («малышка», «мои детки», «девочки» и т. д.). При этом большинство из них сознает, что заботится о животных, а не о детях, но сами они определяют воспитание как эмоциональную привязанность и ответственность за заботу, потребности и развитие другого существа. В конце главы Волш указывает на необходимость пересмотра определения родства, ведь уже сегодня существует немало новых способов «создать семью», составляют которую не только человеческие, но и нечеловеческие животные (human and nonhuman animals).

Шестая глава посвящена ответам информантов на экзистенциальный вопрос о том, что делает их жизнь наполненной смыслом. Волш последовательно показывает, как добровольно бездетные сосредотачивают свою жизнь на обретении смысла и поиске цели за пределами культурных норм и социальных ожиданий. Неизбежно, что некоторые из тех, кто сегодня живет без детей, по той или иной причине в будущем решит их завести¹⁰. Другие же, найдя поддержку в супругах и партнерах, домашних животных и друзьях, «трансформируются в рефлексивных, автономных членов общества, стремящихся к балансу между самодостаточностью, личностным ростом, вкладом в познание и в развитие других» (с. 101).

Наконец, в седьмой главе, заменяющей отсутствующее заключение, Волш задается вопросом о будущем добровольной бездетности. Она пытается спрогнозировать глобальную перспективу явления, опираясь на данные международных организаций и релевантную научную литературу, а также принимая во внимание тенденции снижения уровня рождаемости, роста населения Земли, общих изменений образа жизни, нормализации отцовства как выбора и т. д. Для знакомых с модернизационной теорией прогноз исследовательницы не станет открытием: на фоне развития технологий и агрессивной урбанизации добровольный и/или сознательный выбор не становится родителем будет только расти¹¹. Кроме того, она

⁹ Подробнее об этом см. в ее наиболее часто цитируемой статье (Volsche 2018).

¹⁰ Говоря о перспективе изменения информантом своей позиции в будущем, Волш убеждает, что большая часть ее собеседников были убедительны в своей позиции, а некоторые даже были готовы пройти хирургическую стерилизацию. Случаи, когда позиция участника исследования не казалась ей достаточно твердой, Волш интерпретировала «как свидетельство конкурирующих ценностей», а высказанное на момент беседы «принимала за чистую монету» (с. 8).

¹¹ При этом еще во введении Волш оговаривается, что в обозримой перспективе бездетность по выбору вряд ли станет доминирующей жизненной ориентацией (с. 1).

допускает, что завершение постмодернистского перехода может принести с собой новую (или уже знакомую, но реконструированную) форму семьи.

Работа Волш в очередной раз показывает, что бездетность по выбору во все большем количестве обществ становится «параллельной нормой», а ее выводы делают вклад в расширение определения семьи. Несмотря на краткость и антропологически описательный характер, книга насыщена отсылками к предшествующим работам по теме, что обеспечивает ей высокое качество контекстуализации. Последнее позволило Волш выйти на более глубокие и многомерные выводы, что заметно выделяет ее монографию в общем потоке. Периодически же встречающиеся упущения редактора и упомянутые выше методологические несовершенства не портят общего впечатления.

Мне кажется, эта книга послужит хорошим дополнением для университетских курсов по социологии семьи, женским и гендерным исследованиям, а также кратким и при этом насыщенным введением в корпус эмпирических фактов для тех, кто только начинает свой путь в изучении добровольной бездетности. Не зря предваряющее эту книгу посвящение гласит: «Всем людям – в равной степени родителям и неродителям, – стремящимся понять других и установить с ними контакт» (с. v).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ломакин, Илья. 2019. «Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 6:394–436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.
- Соколовский, Сергей. 2021. «Методология и принципы цифровой антропологии». *Сибирские исторические исследования* 1:200–214. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/10>.
- Eriksen, Thomas Hylland. 2010. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. New York: Pluto Press.
- Garncarek, Emilia. 2022. “Voluntarily Childless Men: Socio-Cultural Reasons Why Young Poles Are Not Assuming a Parental Role.” *Przegląd Socjologii Jakościowej* 18(1):112–130. <https://doi.org/10.18778/1733-8069.18.1.06>.
- Khajehaminian, Fahimeh, Kianoush Zahrakar, Alireza Kiamanesh, and Farshad Mohsenzadeh. 2023. “Lived Experiences of Voluntary Childless Iranian Couples: An Interpretative Phenomenological Analysis.” *Journal of Psychological Science* 22(121):37–54. <http://dx.doi.org/10.52547/JPS.22.121.37>.
- Pralat, Robert. 2021. “Sexual Identities and Reproductive Orientations: Coming Out as Wanting (or Not Wanting) to Have Children.” *Sexualities* 24(1–2):276–294. <https://doi.org/10.1177/1363460720926967>.
- Szalma, Ivett, and Judit Takács. 2022. “Exploring Older Men’s Pathways to Childlessness in Hungary: Did the Change of Policy Regime Matter?” *Social Inclusion* 10(3):138–148. <https://doi.org/10.17645/si.v10i3.5248>.
- Uzun, Melda Sibel. 2018. “Choosing to Be Childfree: Exploring the Experiences of Black, Hispanic, and Latina Women.” PhD dissertation, Graduate School of Education, Fordham University.
- Veevers, Jean E. 1980. *Childless by Choice*. Toronto: Butterworths.
- Volsche, Shelly. 2017. “Setting the Childless Free: An Ethnographic Study of the Practice of the Childfree Identity.” PhD dissertation, Department of Anthropology, University of Nevada, Las Vegas.
- Volsche, Shelly. 2018. “Negotiated Bonds: The Practice of Childfree Pet Parenting.” *Anthrozoös* 31(3):367–377. <https://doi.org/10.1080/08927936.2018.1455470>.